УДК 398.224(=512.31)

Н. Н. Николаева

СКАЗИТЕЛЬСКАЯ ИМПРОВИЗАЦИЯ И ВАРИАТИВНОСТЬ В БУРЯТСКОМ ЭПИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

(на примере разновременных записей эпоса «Гэсэр» сказителя П. Петрова)

Статья посвящена рассмотрению двух разновременных записей эпоса «Гэсэр» сказителя П. Петрова. На основе анализа двух записей выявляется вариативность эпических формул и типических мест в тексте, феномен импровизации и следование традиции в сказительской практике. Выявлено, что поздний текст не дословно повторяет ранний, хотя композиционная структура в целом представлена тем же набором сюжетов, что и более поздняя запись. В ранней записи текст разделен на большие тематические блоки-главы, в поздней – имеет более дробную структуру, тематические блоки разбиты на более мелкие сюжетно-повествовательные. Сравнительный анализ мотивного фонда двух разновременных записей выявляет примерно одинаковый набор основных и второстепенных мотивов, но отмечен и факт того, что при каждом новом исполнении сказитель мог вводить в текст или исключать из него тот или иной мотив, свободно оперируя ходом сюжета. В текстах есть сокращения в одном случае и развернутые описания в другом, константные формулы варьируются лексически и синтаксически, наблюдается фонетическая вариативность эпонимов в потоке воспроизведения сказителем эпического текста. Поэтический язык П. Петрова отличает строгая и простая чеканность формул, лаконичность стиля и тяготение скорее к действию, чем к украшательству сюжета многочисленными поэтическими описаниями. Наглядно видны, как импровизационное мастерство сказителя, так и его владение традицией, знание и умелое использование константных формул, в результате чего создается эпический текст, оригинальный и уникальный во всех вариациях.

*Ключевые слова***:** буряты, героический эпос, Гэсэриада, сказитель, разновременные записи, текст, сюжет, импровизация, вариативность, традиционные формулы.

N. N. Nikolaeva

Narrator's improvisation and variability in the Buryat epic text

(by the example of asynchronical recording of the "Geser" epic by P. Petrov)

The article discusses two asynchronical recording of "Geser" epic by P. Petrov. Variability of epic formulas, typical points in the text, improvisation phenomenon and following the tradition in narrator's practice are revealed by analyzing two recordings. It was revealed that the later text is not a verbatim repetition of earlier although the compositional structure has the same set of plots as the latest recording. In the early recording the text is divided into large blocks-themed chapters and has a fractional structure in the latest one. Thematic blocks are divided into smaller plots and narrative parts. Comparative analysis of the motivic fund of two different time recordings reveal approximately the same set of primary and secondary motives. However, with each new execution a narrator could add or exclude some motifs from the text freely operating the plot development. The texts have a reduction in one case and detailed description in another; constant formulas vary lexically and syntactically. There is a phonetic variation of eponyms in the epic text. Poetic language of P. Petrov has a strict simplicity of traditional epic formulas, laconic style and aspiration to action rather than embellishment of the story by numerous poetic descriptions. We can observe that improvisational mastery of the narrator, knowledge of the traditions and skilled use of the constant formulas created original and unique epic text.

Keywords: buryats, heroic epic, Geseriada, narrator, asynchronical recordings, text, plot, improvisation, variation, traditional formulas.

НИКОЛАЕВА Наталья Никитична – к. филол. н., с. н. с. отдела литературоведения и фольклористики ФГБУ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН).

E-mail: natanika80@mail.ru

NIKOLAEVA Natalia Nikitichna – Candidate of Philological Sciences, Senior Scientific researcher of Department of Literature and Folklore Studies, The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Russian Academy of Sciences, Siberian branch.

E-mail: natanika80@mail.ru

Введение

Эпопея «Абай Гэсэр», распространенная по всей территории этнической Бурятии, представляет собой вершину эпического творчества и уникальное наследие народной духовной культуры. Наибольшего расцвета она достигла у западных бурят (Иркутская область), у которых были зафиксированы две основные версии и множество вариантов. Самобытной и архаичной всеми исследователями признана эхирит-булагатская версия, записанная в 1906 г. Ц. Ж. Жамцарано от сказителя Маншута Имегенова. Унгинская версия, записанная И. Н. Мадасоном в 1940-1941 гг. от унгинского сказителя Пёохона Петровича Петрова, сюжетно близка монгольским версиям, при этом представляя собой совершенно бурятское произведение, являющееся образцом традиционного эпического репертуара унгинских бурят. Обе эти версии были опубликованы в академических двуязычных изданиях с выверенными текстами, подстрочными переводами на русский язык, обширными комментариями и вводными статьями.

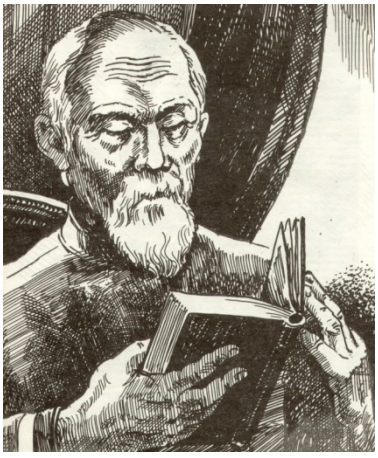


Рис. 1. Сказитель Пёохон Петров

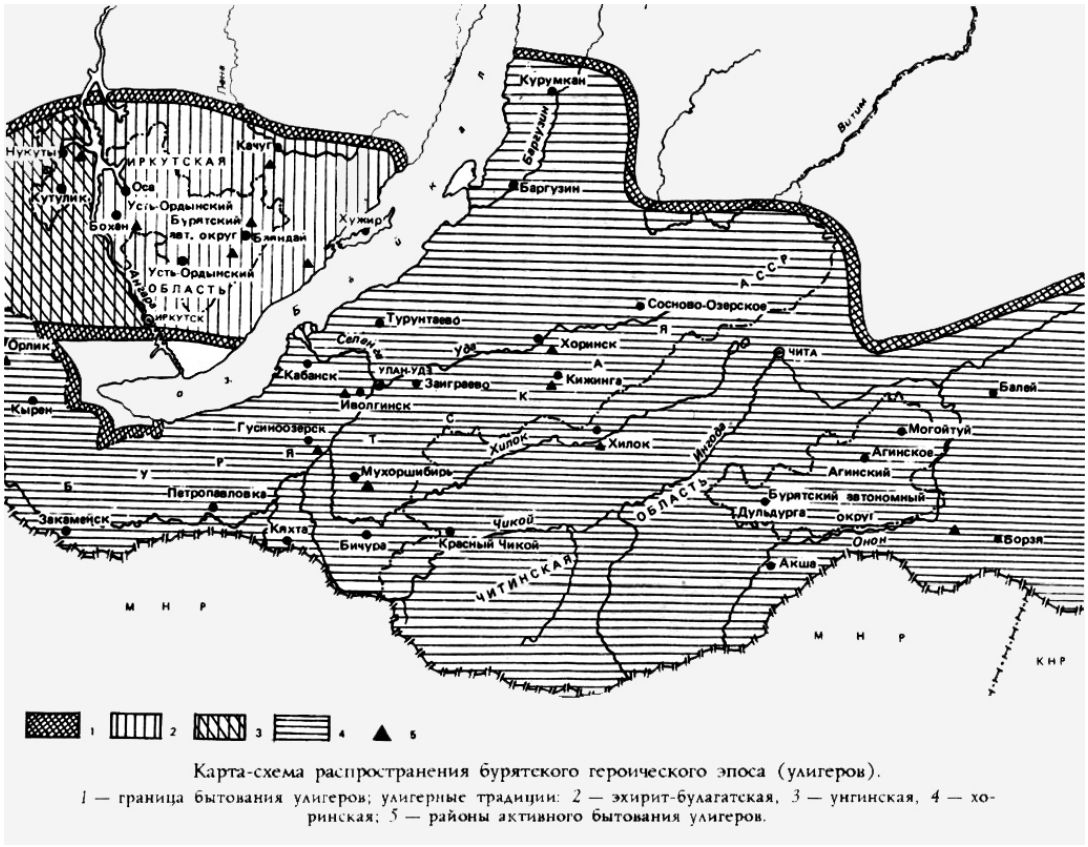
Текст унгинского «Гэсэра» П. Петрова в записи И. Н. Мадасона является не первой записью этого эпоса. В Общем архивном фонде (ОАФ) ЦВРК ИМБТ СО РАН под инвентарными номерами № 738, 940, 941 в трех папках хранятся записи «Гэсэра», произведенные от П. Петрова Родионом Филипповичем Тугутовым в 1934 г., т. е. на шесть лет раньше И. Н. Мадасона. Эта запись почти не упоминается учеными-эпосоведами и, говоря об унгинской версии «Гэсэра» П. Петрова, всегда подразумевают запись И. Н. Мадасона. В Приложении к изданию 1960 г. собиратель И. Н. Мадасон лишь упоминает о том, что у Пёохона Петровича вели записи фольклорного материала Р. Ф. Тугутов, студенты и учителя, не имевшие опыта точной и быстрой записи [1, с. 289]. Наверное, впервые этот текст был принят во внимание гэсэроведом Д. А. Бурчиной, которая включила его краткое аннотированное содержание в свою монографию «Гэсэриада западных бурят» [2], а в 2009 г. опубликовала статью, в которой дана подробная характеристика оригиналу записи и произведено подробное описание сюжетной структуры улигера [3, с. 107-124].

И. Н. Мадасон записывал от сказителя в конце 1940-начале 1941 гг., будучи уже имеющим опыт собирателем фольклора. Он сам пишет, что до 1940 г. им было записано около десяти улигеров со слов разных сказителей [1, с. 288]. Его запись полнее, более надежна «по качеству и точности фиксации воспроизводимого сказителем эпического текста», поэтому и была выбрана А. И. Улановым для двуязычного научного издания [3, с. 108]. Р. Ф. Тугутов делал свои записи, по нашим сведениям, в студенчестве, учась в Иркутском педагогическом институте, соответственно, не имея достаточного опыта записи фольклорных произведений и не обладая выработанными навыками фиксации текста в потоке воспроизведения. Поэтому его запись более краткая, отсутствуют некоторые главы, традиционный улигерный запев, пропущено несколько эпизодов. В целом, текст воспринимается тяжело, поскольку часть его представляет собой машинопись на латинице, часть – рукопись с карандашными записями. Орфография оставляет желать лучшего, нет единообразия передачи слов и грамматических форм речи. Кроме того, практически отсутствует пунктуация, знаки препинания расставлены хаотично, независимо от смысла фраз и предложений.

Впрочем, это вполне объяснимо сложившейся на тот период неоднозначной ситуацией с единой унифицированной бурятской письменностью. Вопрос о реформе бурят-монгольской письменности впервые был поставлен еще в 1926 г. на заседании Первого культурно-национального совещания, а в 1929 г. на совместном заседании коммунистической фракции ЦИК и СНК Бурятии был взят курс на латинизацию существовавшего монгольского алфавита. В конце 1929-начале 1930 гг. в республике был предпринят ряд мер по внедрению и популяризации новой письменности, издавались газеты, учебники, программы и популярная литература. Но к концу 1930-х гг., с близившимся завершением периода «культурной революции», провозглашавшей полную ликвидацию безграмотности населения, стало ясно, что этого достичь

удалось не полностью, а «в кругах бурят-монгольской интеллигенции появилась мысль о том, что латинский алфавит для бурят-монгольского народа является лишь промежуточной ступенью политики Советской власти. Вопрос о замене латинского алфавита, только что освоенного населением, на русский все более активно обсуждался в печати» [4, с. 109]. Вдобавок к этому дело осложнялось диалектными различиями бурятского языка, препятствовавшими разработке лексического единообразия, адекватного смыслового понимания содержания. Все это в итоге привело к выбору хоринского диалекта, как наиболее понятного для носителей всех других диалектов, в качестве основы для литературного бурятского языка (1936 г.) и замене латинизированного алфавита на кириллицу (1939 г.).

Когда Р. Ф. Тугутов записывал улигер в 1934 г., для него это было действительно сложной задачей – зафиксировать объемный эпический текст, отличающийся богатством языка, содержащий бесценную информацию по духовной и материальной культуре бурят, не имея ни опыта записи, ни базы в виде выработанного литературного языка с фонетическими, лексическими, орфографическими, синтаксическими нормами. Однако, несмотря на это, собирателю удалось передать и в целом полнокровный текст памятника, и многие тонкости эпического содержания. Д. А. Бурчина отмечает, что «текст Р. Тугутова по-своему интересен и ценен. В нем много подробностей и деталей, помогающих раскрыть значение некоторых «темных мест» в записи И. Мадасона… Таким образом, оба варианта «Абай Гэсэра» П. Петрова, несмотря на большое сходство основных мотивов и сюжетов, одинаково ценны, т. к. взаимно дополняют друг друга, помогая глубже понять эпический мир произведения» [3, с. 122-123].



Карта-схема распространения бурятского героического эпоса (улигеров).
1 — граница бытования улигеров; улигерные традиции: *2* — эхирит-булагатская, *3* — унгинская, *4* — хоринская; *5* — районы активного бытования улигеров.

Рис. 2. Карта распространения улигеров

Запись Р. Ф. Тугутова ценна не только сама по себе и не только тем, что дополняет и «расшифровывает» непонятные места записи И. Н. Мадасона, но и тем, что представляет собой достаточно уникальный прецедент. В бурятском эпосоведении почти нет разновременных записей одного и того же произведения от одного и того же сказителя. К примеру, из записей

«Гэсэра», кроме рассматриваемой, можно назвать вариант еще одного талантливого и неординарного унгинского сказителя Папы Михайловича Тушемилова, от которого записывали в разные годы ученые и собиратели И. Н. Мадасон, Т. М. Болдонова и Н. О. Шаракшинова. В фондах Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН) хранятся тексты «Абай Гэсэр Богдо хаан» (зап. И. Н. Мадасона) [2, с. 164-195], «Гэсэр» (зап. Т. М. Болдоновой) [2, с. 309-335] и «Охотор сагаан бар (Эрээн саган орголи)» (зап. неизв. собирателя) [2, с. 384]. Еще один текст должен храниться в личном архиве известного ученого-фольклориста и собирателя Н. О. Шаракшиновой [5, с. 298]. Кроме того, разновременные варианты «Гэсэра» были записаны от унгинского сказителя Парамона Дылгировича Дмитриева опять же Н. О. Шаракшиновой [5, с. 298] и собирателем Д. Хилтухиным (ОАФ, инв. № 1061, 161 л.). Последний текст был издан в 1967 г. на бурятском языке без каких-либо комментариев и научного аппарата [6]. Таким образом, можно подытожить, что запись Р. Ф. Тугутова действительно немаловажна и ценна, особенно учитывая значимость петровского варианта, поскольку разновременные записи одного и того же эпоса в исполнении одного сказителя дают возможность исследовать устойчивость и изменчивость локальной традиции на определенном временном отрезке, вариативность эпических формул и типических мест, феномен импровизации и следование традиции в сказительской практике.

Эпос «Абай Гэсэр» – устойчивость и изменчивость текста в разновременных записях одного сказителя

Прежде всего, отметим, что эпос в записи И. Н. Мадасона имеет название «Абай Гэсэр», а в записи Р. Ф. Тугутова – «Абай Гэсэр Богдо хаан». Текст записи Тугутова разделен на главы, которые почти все имеют названия: «Абарга Сэсэн мангадхайтай дайн», «Туруuни дайн» («Охотор эрэн барсан»), «Мүнгэтэ улые гурба дабхарлаад Орэйгоод хэбтэһэн 27 толгэйтэй 33 хүлтэй абарга могой», «Гал Дүлмэ хаантай дайлах тухай» и т. д. Каждая глава посвящена отдельному походу/подвигу, начинается с выезда героя и заканчивается его возвращением домой. Названия этим главам даны сказителем или собирателем, сказать сложно, поскольку никаких комментариев последнего не имеется. В изданной же записи И. Мадасона текст разделен не на главы, а скорее на сюжетно-повествовательные блоки. Так, например, в записи Тугутова имеется одна отдельная глава «Лойр Лобсоголдойтой дайн», тогда как в «Абай Гэсэре» Мадасона сюжет с Лойр Лобсоголдой мангадхаем разделен на четыре главы, каждая из которых имеет свое название в зависимости от содержания. А. И. Уланов отмечает: «Абай Гэсэр» состоит из пятидесяти глав. Все они и их названия составлены в таком виде, в каком написаны собирателем у П. Петрова… Есть маленькие главы и большие. Они не соответствуют распространенному мнению о том, что в бурятском «Гэсэре» девять ветвей… Предание о девяти главах или ветвях может оказаться не чем иным, как преданием о многих битвах… Членение «Абай Гэсэра» на пятьдесят частей зависит от манеры исполнителя: основные походы разделены иногда на отдельные эпизоды» [1, с. 9]. Таким образом, в поздней записи имеется обоснование дробления больших тематических блоков на более мелкие сюжетно-повествовательные, подкрепленное ссылкой на сказителя, а в ранней записи имеются только тематические блоки-главы.

Рис. 3. Абай Гэсэр и бабушка Манзан Гурмэ

Анализ улигера «Абай Гэсэр Богдо хаан» в записи Тугутова показывает, что его композиционная структура

в целом представлена тем же набором сюжетов, что и более поздняя запись. Однако нет улигерного запева, отсутствуют главы о четырех последышах мира, китайском Гумэн Сэсэн хане, битве Гэсэра с дьяволом Шэрэм Мината, нет эпизода о женитьбе героя на третьей жене Ала Мэргэн (у Мадасона – Алма Мэргэн) и его пребывании в подводном царстве Уха Лосон-хана, хотя Ала Мэргэн также играет в сюжете значительную роль. Глава о борьбе с Пестрым тигром Охотор (Охотор эрэн барсан) сюжетно параллельна и заменяет главу о борьбе с хозяином лесов Орголи (Ойн эжэн Орголи сагаан гүрөөһэн). Неизвестно, почему отсутствуют эти главы и эпизоды. Можно допустить, что П. Петров передал улигер именно в таком усеченном виде, но И. Н. Мадасон особо отмечает, что сказитель «был противником сокращенных вариантов «Гэсэра» [1, с. 290]. Более вероятно, что в архивный фонд ЦВРК по каким-то объективным причинам были переданы не все записи, сделанные Р. Ф. Тугутовым.

Система персонажей двух записей обнаруживает полное совпадение, но отмечено различие в написании некоторых эпонимов (антропонимов, гидронимов, топонимов): Ала Мэргэн (запись Тугутова) – Алма Мэргэн (запись Мадасона), Хан Тюрмас (запись Тугутова) – Хан Хирмос (запись Мадасона), Азя Мазя (запись Тугутова) – Айзай Муузай (запись Мадасона), Сата ноён (запись Тугутова) – Сотон нойон (запись Мадасона), Хара далай (запись Тугутова) – Мүнхэ далай (запись Мадасона), река Морин (запись Тугутова) – река Мөөрэн (запись Мадасона) и т. д. Ала Мэргэн вместо Алма Мэргэн, либо Хара далай вместо Мүнхэ далай встречаются на протяжении всего текста, а не единожды или дважды, значит, это не совсем ошибка собирателя или оговорка сказителя. Подобное разночтение может быть еще одним указанием на уже упоминавшуюся неопытность собирателя, но может и указывать на фонетическую вариативность эпонимов в потоке воспроизведения сказителем эпического текста.

Разберем для примера сюжет о борьбе Гэсэра с Абарга Сэсэн мангадхаем. В записи Тугутова он представлен самостоятельной главой, называется «Абарга Сэсэн мангадхайтай дайн» и насчитывает 1046 стихов. В записи Мадасона он занимает 6 глав с отдельными названиями и составляет 1017 стихов. Глава в записи Тугутова начинается с описания пиров, которые Абай Гэсэр устраивает в домах трех жен, к концу которых опьяневший дядя Сата ноён остается в доме Тумэн Яргалан ханши. В записи Мадасона описание пиров отнесено к предыдущему сюжетному блоку о победе над гигантским змеем, а первая глава из шести, которая представляет своего рода «зачин» сюжетного блока борьбы с Абарга Сэсэн мангадхаем, начинается с описания опьяневшего Хара Сотона и его предложения ханше Тумэн Яргалан.

В целом, развитие сюжета в двух записях практически идентично, совпадают все ключевые моменты: Сата ноён/Хара Сотон пристает к ханше Тумэн Яргалан, предлагая ей выйти за него замуж; ханша в гневе отказывает, и ее телохранитель прогоняет Сата ноёна/Хара Сотона; оскорбленный Сата ноён/Хара Сотон отправляется к альбинам шулма, преподносит им жертвенное мясо и просит помощи; получив от них поддержку, он при помощи служанки оскверняет очаг Тумэн Яргалан и насылает на Гэсэра болезнь; Гэсэр узнает из своей материнской книги, что Тумэн Яргалан должна уйти к Абарга Сэсэн мангадхаю, и тогда он выздоровеет; он отказывается, но Тумэн Яргалан тайком уходит к мангадхаю; выздоровевший Гэсэр отправляется спасать жену; по пути он издевается над Сата ноёном/Хара Сотоном, в конце концов отправляя того обратно домой; в стране мангадхаев Гэсэр напускает жару, оборачивается в двух маленьких мальчиков, которые из слабеньких луков стреляют в Абарга Сэсэн мангадхая и попадают ему в глаз; Тумэн Яргалан, признав стрелу Гэсэра, забивает ее глубже в глаз мангадхая, и он умирает, они сжигают мангадхая; она дает Гэсэру дурманную еду, и тот глупеет и остается в стране мангадхаев пасти телят.

Сказитель строго придерживается последовательности развития сюжета, но в одном случае излагает какой-либо эпизод развернуто, прибегая к фразовой синонимии, синтаксическому параллелизму, а в другом – дает более краткий вариант, сокращая лексические и синтаксические повторы. Сравнительный анализ мотивного фонда двух разновременных записей выявляет примерно одинаковый набор основных и второстепенных мотивов, но отмечен и факт того, что при каждом новом исполнении сказитель мог вводить в текст или исключать из него тот или иной мотив, свободно оперируя ходом сюжета. Для сравнения:

Запись Тугутова:

Хатан голи толгэйдэ ерэнэ	Приезжает к верховьям реки Хатан.
Түмэн Яргалан хатани	Тумэн Яргалан-ханши
Шэгэбшэхэн тугал буруугаа	служанка телят
Хаража ябана ха.	пасет.
Сата ноён моринһоон буужа	Сата-нойон с коня слез,
Шэгэбшэгэхэнэ хажуудаа һулгаад	усадил служанку рядом,
Эшэмни үлэдэжэ ябанаш гэнэ.	говорит: «Голодаешь ты тут,
Энэ мяха эдэ гэбэ.	поешь этого мяса».
Халим[1] мяха үгоо.	Дал ей мяса «сорочьего».
Түмэн Яргалан хатамни	«Тумэн Яргалан-ханша моя
Амамни үлэтхөгөөбэ гэбэ.	рту моему голодать не дает,
Араймни дарулаабэ гэбэ.	спину мою мерзнуть не заставляет.
Энэ мяхайш	Это мясо твое
Ендэ эдэхэмниб	почему я есть должна?
Эдэхэбоб гэбэ ха.	Не буду!» – говорит [она].
Сата ноён баабай	Сата-нойон отец
Уран хүрэ хэлэбэ.	искусные слова говорит,
Хэлэ хэлэһэр хэлэбэ	беседу ведет
Хэлэһэн хүртэ орулба	и к сказанному клонит,
Зугал зугалһаар зугалба	речи ведет,
Зугалһан зугаада орулба.	уговором уговаривает,
Халим мяхаа эдюлэ.	мясо заставил съесть.
Халим мяхайн эдээд	Съев то мясо,
Шэгэбшэхэн болбол,	служанка
Түмэн Яргалан хатая	Тумэн Яргалан-ханшу
Муудхажа зугалан байба[2]	чернить стала.

[7, л. 6].

Запись Мадасона:

Хара Сотон ноен	Хара Сотон нойон прибывает
Хатан голи узуурта ерэжэ,	к верховью долины Хатан,
Тумэн Яргалан хатани шэгэбшэдэ	служанку Тумэн Яргалан хатан
Халям мяха эдюулбэ,	угощает кусочком жира
Халям мяха эдюулээд хэлэбэ:	и, накормив, говорит ей:

[1, с. 92].

В ранней записи эпизод более развернут, присутствуют мотивы отказа служанки, основанного на верности ханше из-за ее доброго отношения; искусных уговоров Сата-нойона и наконец «чернения» служанкой ханши после того, как она съела мясо, которое дали Сата-нойону альбины шулма. Сказитель умело расписывает краткий эпизод, логически обосновав предательство служанки. В поздней же записи описание скомкано и предельно минимизировано, впрочем, не утратив своей внутренней обоснованности – служанка изменяет ханше, поступив по воле Сотон-нойона, потому что все-таки съела мясо альбинов.

Другим примером может послужить эпизод выезда Гэсэра за женой. В поздней записи герой немногословно велит привести и оседлать коня, а после выезжает на нем в дорогу [1, с. 100], в ранней же имеется подробное описание подготовки коня, структурно состоящее из константных формул [7, с. 14-15] – баторы приводят коня, нагуливающего жир на Алтае и Хухэе, выстаивают его на льду и гальке, затем накидывают на него шелковый потник, седлают серебряным седлом, надевают серебряные стремена, затягивают крепкими ремнями и т. д. Здесь «классическое» описание выстойки и седлания коня, в котором присутствуют все традиционные и устойчивые элементы, характерные и для унгинского, и для эхирит-булагатского эпосов. Подобные детализированные, многослойные типические места в обеих записях встречаются достаточно редко. Поэтический язык П. Петрова отличает строгая и простая чеканность формул, лаконичность стиля и тяготение скорее к действию, чем к украшательству сюжета многочисленными

[1] Халим (халям) – мездра, «сорочье» мясо, остатки жира и мяса на коже (при неумелом снятии ее) [8, с. 386].

[2] Текст в записи Р. Ф. Тугутова здесь и далее оставлен нами в оригинале, без каких либо правок. Перевод наш. – *Н. Н.*

поэтическими описаниями. Однако подобное описание, насыщенное типическими местами, показывает владение сказителя традицией, его умение строить текст, опираясь на готовый «костяк» формул, и в то же время видоизменять его без какого-либо ущерба сюжету, аккуратно пропуская или минимизируя эти формулы.

Отчетливо прослеживается варьирование типических мест, когда сказитель сокращает, дополняет или несколько изменяет их структуру. Их вариативность создается за счет введения новых слов, сжатия или расширения поэтических словосочетаний.

Для сравнения, запись Тугутова:

Эрэ хүни ороэ болсоро унтахада	Если мужчина спит допоздна,
Хүдэмэрэ тарамдаха	работа прокисает (припозднится?),
Паар юма оройтохо	пары припозднятся.
Хүгшэн хүни	Если женщина
Орой болсоро унтахада	спит допоздна,
Һали үһэн һамжаха	молоко прокисает (дойка припозднится),
Тугал буру хүхэлдэхэ	телята коров сосать будут.

[7, л. 7].

Запись Мадасона:

Бэһэтэй хүүни уни холо унтахада,	Когда мужчина спит долго –
Таар юн зууматаха,	вещи гниют, дерюга гниет,
Хүдэлмэри тахюудхыма гэжэ,	работа стоит (не спорится);
Хүгшэн хүүни уни холо унтахада,	когда женщина долго спит –
Һаали һүн тарамдаха,	молоко прокисает,
Араһа шүрмэһэн зурмадаха	кожа и жилы гниют.

[1, с. 93].

В этом примере, одном из многих, которые можно привести, наглядно видно мастерство сказителя с его умением импровизировать в текстуальном пространстве и свободно варьировать константными выражениями, сохраняя смысловое наполнение эпизода. По сути, здесь повторяются только отдельные слова, а в целом каждое выражение само по себе самостоятельно. Слова, в русском переводе имеющие одно и то же значение (например, «мужчина»), в бурятских оригиналах даются по разному – *эрэ хүн* ‘мужчина’ и *бэһэтэй хүүн* букв. ‘человек с поясом’. Лексически варьируют выражения *орой болсоро унтахада* ‘спать допоздна’ и *уни холо унтахада* ‘спать долго’. Выражение *Хүдэмэрэ тарамдаха/ Паар юма оройтохо* соотносится с синонимичным *Таар юн зууматаха/ Хүдэлмэри тахюудхыма,* но здесь не только перестановка строк и лексическое варьирование, но и полностью иное внутреннее содержание фразы. В ранней записи очевидно проникновение сельскохозяйственного понятия – пар, т. е. поле, оставляемое свободным от возделывания сельскохозяйственных культур в течение какого-то периода, тщательно обрабатываемое, как правило, удобряемое и поддерживаемое свободным от сорняков. В целом, это выражение имеет смысл, функционально возможно в речевой ситуации и, вероятно, употреблялось сказителем окказионально в речи. Но оно выглядит чуждо в эпическом контексте, особенно в эпизоде, где явно показано преобладание не земледельческой, а скотоводческой культуры (множество коров и телят, молоко, которое можно использовать для того, чтобы накормить целое войско). Поздняя запись дает более традиционную и нейтральную семантику – не будет спориться работа, сгниют вещи и дерюга (потник).

Иногда сказитель, импровизируя, заменяет одно описание на другое, но в любом случае смысл, который он стремится передать, остается неизменным либо в некоторых случаях получает дополнительную семантическую нагрузку. Например:

Запись Тугутова:

Нэгэ уулайн оройдэрэ гараба	На вершину одной горы взобралась,
Зун хойшо эрэед харахадан	оглянулась и посмотрела на северо-восток,
Хонин хотойн урам	Страна Хонин Хотой,
Хотгор хобор дайда	изогнутая чахлая земля,
Хэнхиижэ харагдаба.	пустея, виднеется.
Абарга Сэсэн мангадхайн	Абарга Сэсэн мангадхая
Хайша хайша шорон модон	во все стороны [торчащий] остроконечный
Орьгогин битхайжа харагдаба.	деревянный дворец, вздымаясь, виднеется.

Баруун урагшаа эргуулэжэ хараба	Повернулась и поглядела на юго-запад,
Морин гэгшэ голин	а там река ее Морин,
Хатан гэгшэ голин адуу малин	стада и табуны ее на реке Хатан
Жэрлэн доргон харагдаба.	пестрой рябью виднеются,
Албата зонин шуян шаян байһанин	подданных шум и гомон
Шэхэндэн дулдан байба.	ушам ее слышится.
Һуһан байһан орьгоогин	Дворец, в котором она жила-поживала,
Огторгэйн саган үлэни адалэр	словно белое небесное облако
Ялалзан тололзон байба	сияет-блестит.

[7, л. 10].

Запись Мадасона:

Гэдэргээ эрьежэ	Назад повернулась
Һууһан байһан дайдаяа харана.	и на родимый край посмотрела:
Хатан гэгшэ голынь –	ее долина Хатан
Зурыхаджа харагдаба,	извилиной виднеется,
Адуу малынь –	ее табуны и скот
Мярлан дорлон харагдаба,	рябью сплошной виднеются,
Албата зониинь –	шум и гам подданных слышится.
Шууяан шааяан дуулдаба.	На северо-восток повернулась
Зүүн хойшоо эрьюүлэжэ хараба –	и огляделась:
Шара далай юнш үбэй	Желтое море угрюмой впадиной
Хэнхэйжэ харагдаба,	одиноко (близко?) виднеется,
Абарга Сэсэн мангадхайн	Абарга Сэсэн-чудовища
Һууһан байһан үргөөгынь	шалаш черной громадиной
Юунш үбэй	одиноко (близко?) виднеется.
Бидхайжа харагдаба	

[1, с. 96].

В записях переставлены местами действия героини – в ранней она вначале смотрит на чужие земли, а потом оглядывается на родную, в поздней она вначале глядит на свою землю, затем смотрит на чужую. Почти одинаково, лишь с незначительным лексическим и синтаксическим варьированием описано, как виднеются долины, пестрят стада и табуны, слышится шум подданных. Но полностью изменено описание чужой стороны: в ранней записи это чахлая и скудная страна Хонин Хотой, в поздней – Желтое море и жилище мангадхая. В двух частях большого формульного высказывания сказитель дает абсолютное противопоставление, которое идет на нескольких уровнях и прежде всего на уровне семантики *свой родной дом – чужой дом (врага)*. Противопоставлена заселенность своего края (много подданных, стада и табуны, т. е. живой человеческий мир) и пустота, неосвоенность, скудость чужого (т. е. страны мангадхаев, мира иного, потустороннего). На лексическом уровне противопоставлено описание дворцов – дворец Тумэн Яргалан подобен белому облаку (соотнесение с небом, верхом, чистотой), сверкает и блестит, а дворец Абарга Сэсэн мангадхая виднеется, как черная громадина (перевод А. И. Уланова), как нечто грубое, уродливое, страшное, на что указывают определения *модон* ‘деревянный’, *шорон* ‘остроконечный, заостренный; частокол, острог, тюрьма’ [8, с. 618]. Возможно, в слове *бидхайжа* (*бадхайха* – быть рыхлым, вздуваться, разбухать, густеть [6, с. 103]), кроме прочего, выражено значение ‘грязнея, чернея’, ср. *бидаха зап*. ‘мазать, малевать, пачкать, загрязнять’ [9, с. 126], что связывает его с землей, низом. Перевод А. И. Уланова, на наш взгляд, пусть и не буквально точно и лексически не совсем адекватно, но образно передает описание дворца врага-чудовища, черной грязной громадой вздымающегося перед глазами героини. Объединяющим в двух вариантах является *Һууһан байһан үргөөгынь* ‘дворец, в котором он/она жил(а)’, что показывает, как сказитель, отталкиваясь от опорного словосочетания, импровизирует и меняет выражение, при этом общий смысл всего отрывка одинаков для обоих вариантов. Ранняя запись дает более полный вариант, логически завершенный и цельный, и более выразительный в поэтическом плане, чем поздняя запись, в которой пропущено описание дворца ханши, соответственно и снижается «степень» выразительности.

Заключение

А. Б. Лорд писал: «Каждое исполнение в действительности представляет собой самостоятельную песню, поскольку каждое исполнение уникально и несет на себе печать поэта-сказителя… Сказитель – это сама традиция и одновременно индивидуальность, автор… Искусство сказителя состоит не только в заучивании путем многократного повторения затасканных формул, сколько в способности по образцу уже имеющихся формул составлять и перестраивать обороты, выражающие данное понятие» [10, с. 15]. Сказитель при каждом исполнении эпоса не только воспроизводит воспринятый им текст с некоторыми неизбежными изменениями, но и создает его по-новому, опираясь на традицию, на константную основу формул. Акт его творчества совпадает с актом исполнения, как пишет Б. Н. Путилов [10, с. 331-332]. Сказитель П. Петров, по свидетельству ученых и собирателей, записывавших от него, был строгим ревнителем традиции, не любил пропусков и сокращений, был противником сокращенных вариантов Гэсэра [1, с. 290]. Однако при анализе двух разновременных записей выясняется, что поздний текст, совпадая по сюжетной структуре, отнюдь не дословно повторяет ранний, есть сокращения в одном случае и развернутые описания в другом, константные формулы варьируются лексически и синтаксически. Наглядно видны как импровизационное мастерство сказителя, так и его владение традицией, знание и умелое использование константных формул, в результате чего создается эпический текст, оригинальный и уникальный во всех вариациях.

Литература

1. Абай Гэсэр / Вступит. ст., подготовка текста, перевод и коммент. А. И. Уланова. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. – 314 с.

2. Бурчина Д. А. Гэсэриада западных бурят. – Новосибирск: Наука, 1990. – 449 с.

3. Бурчина Д. А. Унгинская версия эпоса «Абай Гэсэр Богдо хаан» в записи Р. Ф. Тугутова // Актуальные проблемы Гэсэриады: эпический текст и этнокультурные традиции: сб. науч. ст. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – С. 107-124.

4. Базарова В. В. Латинизация бурят-монгольской письменности в 1920-1930-х гг. // Власть, 2012. – № 8. – С. 106-109.

5. Шаракшинова Н. О. Героико-эпическая поэзия бурят. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1987. – 304 с.

6. Материалы по бурятскому фольклору. Вып. 1. П. Д. Дмитриев. Гэсэр. – Улан-Удэ, 1953. – 161 с.

7. Абай Гэсэр Богдо хаан // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 18, инв. № 941.

8. Бурятско-русский словарь. В 2-х т. – Том II. О-Я. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2008. – 708 с.

9. Бурятско-русский словарь. В 2-х т. – Том I. А-Н. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2006. – 636 с.

10. Лорд А. Б. Сказитель. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. – 368 с.

References

1. Abaj Gjesjer / Vstupit. st., podgotovka teksta, perevod i komment. A. I. Ulanova. – Ulan-Udje: Burjat. kn. izd-vo, 1960. – 314 s.

2. Burchina D. A. Gjesjeriada zapadnyh burjat. – Novosibirsk: Nauka, 1990. – 449 s.

3. Burchina D. A. Unginskaja versija jeposa «Abaj Gjesjer Bogdo haan» v zapisi R. F. Tugutova // Aktual'nye problemy Gjesjeriady: jepicheskij tekst i jetnokul'turnye tradicii: sb. nauch. st. – Ulan-Udje: Izd-vo BNC SO RAN, 2009. – S. 107-124.

4. Bazarova V. V. Latinizacija burjat-mongol'skoj pis'mennosti v 1920-1930-h gg. // Vlast', 2012. – № 8. – S. 106-109.

5. Sharakshinova N. O. Geroiko-jepicheskaja pojezija burjat. – Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. un-ta, 1987. – 304 s.

6. Materialy po burjatskomu fol'kloru. Vyp. 1. P. D. Dmitriev. Gjesjer. – Ulan-Udje, 1953. – 161 s.

7. Abaj Gjesjer Bogdo haan // CVRK IMBT SO RAN. F. 18, inv. № 941.

8. Burjatsko-russkij slovar'. V 2-h t. – Tom II. O-Ja. – Ulan-Udje: Izd-vo OAO «Respublikanskaja tipografija», 2008. – 708 s.

9. Burjatsko-russkij slovar'. V 2-h t. – Tom I. A-N. – Ulan-Udje: Izd-vo OAO «Respublikanskaja tipografija», 2006. – 636 s.

10. Lord A. B. Skazitel'. – M.: Izdatel'skaja firma «Vostochnaja literatura» RAN, 1994. – 368 s.